

В. Г. Белинский

Метеор, на 1845 год...

Виссарион Григорьевич Белинский

Метеор, на 1845 год...

«...Подобно альманахам, стихи были в большой моде, и появившись эта книжка в свое время, то есть лет двадцать или уж по крайней мере лет пятнадцать назад, – она наделала бы большого шума, журналы и хвалили и бранили бы ее, спорили бы из-за нее друг с другом, как будто из-за дела; публика покупала и читала бы ее. Ничего этого теперь не будет с нею. Ей нечего опасаться и брани; ее не тронут даже по лености; читать же ее советуем всем – на сон грядущий: в этом отношении действие «Метеора» ни с чем не сравнимо...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Метеор, на 1845 год...**

МЕТЕОР, НА 1845 ГОД. Санкт-Петербург. В тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи. В 8-ю д. л. 175 стр.

Не пугайтесь этого метеора: он не страшен. Мы даже думаем, что вы и не заметили бы его появления на горизонте современной русской литературы, если б мы не заговорили о нем с вами. Этот «Метеор» – невинный сборник разных стишков, из которых иные, право, недурны, хотя и не отличаются особенными красотами поэзии. Времена переходчивы! Подобно альманахам, стихи были в большой моде, и пояись эта книжка в свое время, то есть лет *двадцать* или уж по крайней мере лет *пятнадцать* назад, – она наделала бы большого шума, журналы и хвалили и бранили бы ее, спорили бы из-за нее друг с другом, как будто из-за дела; публика покупала и читала бы ее. Ничего этого теперь не будет с нею. Ей нечего опасаться и брани; ее не тронут даже по лености; читать же ее советуем всем – на сон грядущий: в этом отношении действие «Метеора» ни с чем не сравнимо; мы испытали это на самих себе и даже среди белого дня. Признаемся, это обстоятельство заставило нас порадоваться за успех русской литературы. Наша стихотворная поэзия по справедливости может гордиться созданиями

истинно изящными, именами истинно гениальными; нельзя сказать, чтоб она бедна была и талантами. Она совершила цикл полный и законченный, – так что теперь уже нет возможности доставать славу невинными стихами, как бы они хороши ни были. Таланта для этого мало: нужна гениальность, а если и талант, то соединенный с большим умом, с сильною натурою. Быть поэтом теперь значит – мыслить поэтическими образами, а не щебетать по-птичьи мелодическими звуками. Чтоб быть поэтом, нужно не мелочное желание выказаться, не грезы празднующейся фантазии, не выписные чувства, не нарядная печаль: нужно могучее сочувствие с вопросами современной действительности. Поэзия, которой корни находятся в прихотях, скорбях или радостях самолюбивой личности, носящейся, как курица с яйцом, с своими прекрасными чувствами, до которых никому нет дела, – такая поэзия, вместо внимания, заслуживает презрение. Всякая поэзия, которой корни не в современной действительности, всякая поэзия, которая не бросает света на действительность, объясняя ее, – есть дело от

безделья, невинное, но пустое препровождение времени, игра в куклы и бирюльки, занятие пустых людей... Давно уже утвердилось мнение, и существует до сих пор, что поэт – пустой человек, неспособный ни к какому делу. Это мнение варварски ложно, когда оно прилагается к поэтам или гениальным, или проявившим в своих творениях положительный, никакому сомнению не подлежащий талант, – талант, запечатленный оригинальностью идеи, самобытностью формы. Пусть такой поэт и действительно неспособен ни к какому другому делу: он имеет на это полное право, потому что способен к своему делу, для которого годятся не все, но один из ста тысяч, если не из миллиона людей. Это мнение страшно истинно, когда оно прилагается к тем поэтам, у которых, вместо таланта, есть только способность к поэзии; которых сочинения, как говорится, только что недурны и которые, став выше бездарности, все-таки не дошли до таланта. Такие поэты – самые жалкие люди в мире, и, конечно, всякий водовоз, всякий дворник на лестнице общественной иерархии есть почтенное существо в сравне-

нии с этими пискливыми и крикливыми воробьями царства поэзии, потому что водовоз и дворник полезны и необходимы для общества. Совершенно бездарный поэт лучше маленьких талантиков: на него по крайней мере можно смотреть, как на больного или помешанного, и он редко заносится и зазнается, не балуемый мелочными успехами. Но маленькие талантики – несносные люди, раздражительные, мелочные, самолюбивые, заносчивые. Они не знают, как и оцепить себя; их чувствованьица, их фантазийки, их мыслишки кажутся им великими открытиями. Они и не догадываются, что все это у них краденое, то есть вычитанное, или, как превосходно выразил это Лермонтов, «пленной мысли раздраженье»{1}. Они уверены, что только одни они и чувствуют, и мыслят, и страдают, – и потому нещадно бранят толпу, которая предпочитает свои домашние заботы и личные выгоды их хорошеньким стишкам. К делу они неспособны ни к какому, потому что самолюбивы, надуты, тщеславны, все, кроме стишков, считают ниже себя, не хотят ничему учиться, ни на что посмотреть со вниманием.

Они – изволите видеть – гении, толпа должна видеть ореол над их головами, а на челе звезду бессмертия. Таких поэтов надо преследовать критике неумолимо и строго; они вреднее вовсе бездарных, которые не стоят никакого внимания; они подают дурной пример молодежи: соблазняя мальчиков дешево покупаемую славою, они отвлекают их от учения и от дела.

И на что нам они, эти приятные поэты, эти маленькие талантики? Что в них? Было время, и они были полезны и нужны! Но теперь, когда Пушкин и Лермонтов показали нам образцы высокой поэзии; когда менее сильные таланты разработали ее поле, подали пример всех форм, даже всех уклонений и странностей поэзии, – теперь что делать мелким талантам? Вздумает ли талантик писать басни, – кто же его станет читать после Крылова, и в состоянии ли он быть для своего времени тем, чем для своего были Хемницер и Дмитриев? Вздумает ли он, например, попробовать свои силы в классическо-французской трагедии, – ему непременно нужно для своего времени стать хоть тем, чем для своего был Озе-

ров. Решиться на борьбу с Батюшковым еще менее возможно для него. Пуститься разве в романтизм? – но тогда надо крепко помнить, что ведь у нас есть Жуковский. Стало быть, нет надежды и на возобновление старины. Возможность комедии в стихах убита Грибоедовым. Петь буйные плотские потехи? – но это уже сделал г. Языков. Пуститься в дикую оригинальность – мешает г. Бенедиктов. Итак, ни старого возобновить, ни нового изобрести: что же делать?.. Всего лучше ничего не делать...

Но мы заговорились и забыли о «Метеоре»; возвратимся к нему. Он украшен стихами графини Ростопчиной, гг. Майкова, Бенедиктова, Мейснера, Познанского, Шевцова, Степанова, Якубовича, Филимонова, Дурова, Протопопова, Пальма, Бернета, Доводчикова, Огородникова, Григорьева, Гребенки, Гербановского, Соколовского... Сколько имен! Мы теперь столько же богаты поэтами, сколько бедны поэзией. Особенно яркого, резко выдающегося из-под уровня обыкновенности в «Метеоре» нет ничего. Лучше других три стихотворения г. Майкова;{2} хуже всего стихи г. Степа-

нова, Шевцова, Филимонова, Якубовича, Соколовского и многих других. Господи боже мой! неужели гг. Якубович и (особенно) Соколовский никогда не перестанут даже и из могилы мучить живых своими водяными виршами?{3} Что за неугомонный народ эти поэты!.. Г-н Бернет некогда подавал надежды. Но ему суждено было на всю жизнь остаться тем, чем он обнаружил себя в то время, когда подавал надежды. Теперь, кажется, уже нечего от него надеяться. В «Метеоре» напечатал он вторую часть своей поэмы «Граф Мец»{4}, написанной им еще в 1841 году. Неужели он столько времени берег в своем портфеле эту кипу писанной бумаги?.. Что такое эта поэма? Мы ничего в ней не поняли и, вследствие этого обстоятельства, вспомнили эпиграмму старика Дмитриева:

*Уж подлинно Бибрус богов языком пел:
Из смертных бо его никто не разумел*{5}.

Граф Мец, графиня Клавдия, жена его, Праздник оборотней, Распорядитель, Лыстец, Шут, Наглец, Антропос, Горлак, Трубочист,

Трезор (пес), Оркестр, Компонист, Башмачник, Первая часть поэмы, Вторая часть поэмы (все это действующие лица), Критик, Попугай, Канчук (хохол), Бандурист, Хор девушек, Ребя-тишки, Молодой офицер, сражение, девушка предводительствует эскадромом, ее убивает граф Мец и узнает в ней предмет своей любви... что за путаница! Это одно из тех злополучных произведений, которых тысячи порождены «Фаустом» Гете и «Манфредом» Байрона; следовательно, это новое «пленной мысли раздражение». Второстепенные таланты любят тянуться за гениями и думают идти по их гигантским следам, копируя их недостатки. Нелепые сцены колдовства и Вальпургиснахт в «Фаусте» мелкими талантами приняты добродушно за красоты первого разряда, и этим-то безобразным красотам они и подражают взапуски. Недавно один плохой писака, хватавшийся за все роды поэзии (преимущественно за драмы для Александрийского театра) и во всех равно оказавшийся бездарным, решил пуститься в критику. Губительное перо свое он нанес на «Фауста» и на перевод этой поэмы г. Вронченко{6}. В этой

критике он полными горстями высыпал все там и сям вычитанные и не понятые им мысли и о «Фаусте», и о Гете, и о том, и о сем, а больше ни о чем. Мысли г. Вронченко он очень вежливо назвал *визиготскими*{7} и еще бог знает какими: образчик литературной вежливости... Но самая забавная сторона его критики заключается в усилиях доказать, что вторая часть «Фауста» – этот сбор холодных аллегорий, старческих мыслей, мистического умничанья, – сбор, изредка сверкающий искрами гения, но в целом утомительно скучный и безобразно странный, – что вторая часть «Фауста» выше первой, истинный *chef-d'oeuvre*[1] поэзии... Видите ли, что больше всего нравится господам этого разряда? – именно то, что они всего меньше в состоянии понять, что бросается в глаза своею странностью. Истинная, простая поэзия им никогда не нравится...{8}

Кроме «Графа Меца», г. Бернет напечатал в «Метеоре» четырнадцать мелких пьес: мелочь во всех отношениях! Но что в «Метеоре» доставило нам истинное удовольствие, до слез развеселило нас, – это стихотворение г.

Бенедиктова: «Гост». Не можем отказать себе в наслаждении поделиться с читателями нашим весельем.

*Часто рдеют, словно розы,
И в развал их вновь и вновь
Винограда брызнут слезы,
Нервный сок (?) его и кровь.
Эти чаши днесь воздымем
И, склонив к устам края,
Влагу светлую приимем
В честь и славу бытия,
Общей жизни в честь и славу,
За ее всесветный трон
И всемирную державу
Поглотим струю кроваву
До осушки стекляных ДОИ!*

Стихотворение это столько же огромно, сколько и прекрасно: всего нельзя выписать; ограничимся лучшим:

*Жизнь – сияй! Твой светоч – разум.
Да не меркнет под тобой
Свет сей, вставленный алмазом
В перстень вечности самой!*

Удивительно! Разум сперва является свето-

чем жизни, потом уходит *под* жизнь и наконец делается алмазом и попадает в перстень вечности! Какая глубокая мысль – ничего не поймешь в ней! Господа современные русские стихотворцы, объясните нам смысл этой глубокой мысли: тысяча пудов российских стихотворений в награду!

*Венчан лавром или миртом —
Наподобие сих чаш,
Буди налит череп наш
Соком дум и мысли спиртом!*

Браво! брависсимо! Наподобие чаш, налить черепа живых (*физически*) людей соком дум и спиртом мысли: какая счастливая, оригинальная мысль! Жаль только, что она будет в подрыв откупам и погребам.

*Пьем за милых – вестниц рая —
За красы их, начиная
С полных мрака и лучей
Зажигательных очей,
Томных, нежных и упорных,
Цветом всячески цветных,
Серых, карих, адски-черных
И небесно-голубых!
За здоровье уст румяных,*

*Бледных, алых и багряных —
Этих движущихся струй,
Где дыхание пламенеет,
Речь дрожит, улыбка млеет,
Пышет вечный поцелуй!
В честь кудрей благоуханных,
Легких, дымчатых, туманных,
Светло-русых, золотых,
Темных, черных, рассыпных,
С их неистовым извивом,
С искрой, с отблеском, с отли-
вом,
И заключенных, как сталь,
В бесконечную спираль!*

Далее поэт настаивает в своем намерении
восклицать юных дев и добрых жен,

*Сих богинь огне-сердечных,
Кем мир целый проведен
Чрез святыню персей млечных,
Колыбели и пелен.*

.....
*Этих горлиц, этих львиц,
Расточительниц блаженства
И страдания цариц!*

Молниеносными чертами рисует потом
поэт географию и анатомию России:

*Чудный край! через Алтай
Бросив локоть на Китай,
Темя вспрыснув океаном,
В Балт ребром, плечом в Атлант
(!),
В полюс лбом, пятой к Балканам
Мощный тянется (?!) гигант{9}.*

Потом поэт, пришед в вящий восторг,
предлагает выпить сока дум и спирта мысли
—

*В славу солнечной системы,
В честь и солнца и планет,
И дружин огне-крылатых,
Длиннохвостых, бородатых,
Быстрых, бешеных комет.*

Наконец, ему показалось, что земля

*Мчится в пляске круговой
В паре с верною луной, —*

и что «все миры танцуют»...

Жалеем, что не могли выписать этого дивного дифирамба вполне: в нем еще осталось столько соку дум и спирту мысли!.. Прав, тысячу раз прав г. Шевырев, доказавший, что до г. Бенедиктова в русской поэзии не было мыс-

ли и что Державин, Крылов, Жуковский, Батюшков, Пушкин – поэты без мысли. Да, только с появлением книжки стихотворений г. Бенедиктова русская поэзия преисполнилась не только мыслию, но и соком дум и спиртом мысли...{10}

Сноски

1

шедевр (*фр.*) – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Из стихотворения «Не верь себе».

[^^^]

2

В «Метеоре» были напечатаны следующие стихотворения А. Н. Майкова: «Два отрывка из дневника в Риме» (они посчитаны критиком за две единицы) и «Дикарка».

[^^^]

3

Поэты Л. А. Якубович и В. И. Соколовский умерли в 1839 г.

[^^^]

4

Первая часть поэмы Е. Бернета (А. К. Жуковского) «Граф Мец» была опубликована еще в 1837 г.

[^^^]

5

Эпиграмма на С. С. Боброва, автора поэмы «Таврида» (1798; во втором издании (1804) «Херсонида»), отличавшейся усложненным языком, принадлежала П. А. Вяземскому.

[^^^]

6

Имеется в виду анонимная статья «Фауст» Гете и его русские переводчики» («Репертуар и пантеон», 1845, т. IX, кн. 2 ц 4). Ее автор – В. Р. Зотов.

[^^^]

Визиготский – от «визиготы»; устаревшая латинизированная форма названия древнего германского племени вестготов, западной ветви готов; здесь в смысле: варварскими, устаревшими.

[^^^]

Отношение Белинского ко второй части «Фауста» Гете было сложным. Высоко оценивая отдельные сцены из нее (см. примеч. 1 к статье «Славянский сборник»), он, однако, осуждал склонность Гете к отвлеченной символистике и аллегориям (см. об этом в конце первой статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 года» – наст. изд., т. 8; в письмах к М. А. Бакунину от 12–24 октября 1838 г., И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г., Н. В. Станкевичу от 29 сентября – 8 октября 1839 г. и В. П. Боткину от 30 декабря 1840–22 января 1841 г. – см. их в т. 9 наст. изд.).

[^^^]

9

Здесь и во всех предыдущих цитатах из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Тост» курсив и знаки восклицания и вопроса в скобках принадлежат Белинскому.

[^^^]

10

Об этой оценке поэзии Бенедиктова С. П. Шевыревым см. примеч. 17 к «Литературным и журнальным заметкам» (1845).

[^^^]

[^^^]